

Дело

Возв. клуб -
1997 - 20 февр -
- Г. С.

Брянцева

Рассказ известного хореографа о добром следователе КГБ и персональном деле комсорга "Молодого балета"

В июне 1970 года наш "Молодой балет" поехал на трехмесячные гастроли сначала в Латинскую Америку, а затем в Мексику.

Помню, в городе Гвадалахара во время нашей репетиции в зал вошла потрясающе красивая девушка в высоких сапогах-ботфортах и в черном кожаном костюме. Она была настолько эффектна и так необыкновенно хороша, что репетиция вдруг остановилась — все замерли, увидев ее. У нашего танцовщика Саши Филиппова вскоре начался с ней бурный роман, и когда мы уже собирались уезжать из Гвадалахары в Мехико, он исчез с этой девушкой, решив остаться там навсегда. Мы прилетели в Мехико в подавленном состоянии, предчувствуя последствия этого побега. Ленинградцы в ансамбле помнили, какой страшный скандал разразился в Кировском театре, когда за рубежом остался Рудольф Нуреев.

Как-то вечером мы все сидели в отеле и обсуждали, что нас может ждать, мы не исключали возможности, что "Молодой балет" теперь вообще расформируют и коллектив как таковой перестанет существовать. Вернувшись к себе в номер я лег спать, не придав значения тому, что моего соседа Гены Вострикова нет на месте — он вполне мог "по-тихому" пойти в какой-нибудь дансинг. Рано утром ко мне входит наш кагэбэшник и спрашивает: "Где Востриков?" Я удивленно пожимаю плечами, поскольку в номере он явно не ночевал, но все вещи его на месте. Оказалось, что он тоже сбежал, и об этом уже сообщили в местных газетах.

Нас всех сразу же собрали и отвезли в советское посольство, закрыв за нами ворота и заперев там почти на двое суток. На следующий день газеты Мехико сообщали, что русские посадили своих танцовщиков за решетку. Но гастроли не прервали — потом нас еще все-таки отвезли на Кубу, где мы тоже выступали.

Главные неприятности ждали "Молодой балет" в Москве.

Руководителем поездки в Мексику была Ирина Викторовна Тихомирнова, которую тут же сняли с поста директора "Молодого балета". Вслед за ней ушли Суламифь Михайловна и Асаф Михайлович Мессерер. Досталось и секретарю партийной организации ансамбля, но число членов КПСС в коллективе в силу молодого возраста танцовщиков оказалось настолько минимальным, что наказание получилось не очень суровым.

Основной удар пришелся по секретарю комсомольской организации "Молодого балета" Дмитрию Брянцеву, т.е. по мне. Я оказался "виноват" в том, что не предупредил о готовившемся побеге Геннадия Вострикова, да и просто в "развале идеологической работы в коллективе": ведь сбежали два танцовщика-комсомольца! И в первые же дни после возвращения в Москву меня вызвали в печально знаменитый дом на площади Дзержинского.

Следователь был довольно молодой и даже в какой-то степени приятный. Мы сели друг против друга, и он начала задавать мне вопросы, по которым я понял, что он уже очень хорошо информирован о нашей поездке. Отвечать приходилось крайне осторожно, следя за тем, чтобы, не дай Бог, никого не "заложить", не "подставить" и чтобы рассказ мой звучал по возможности убедительно. После пяти часов непрерывных вопросов и ответов я уже почувствовал себя почти победителем, вышедшим из окружения с наименьшими потерями, как вдруг следователь спросил: "А вам самому предлагали остаться за границей?" Тут я понял, что он и это знает...

Тогда я рассказал следователю все, ничего не скрывая. Во время одного из приемов где-то на границе Мексики и Техаса ко мне подошел высокий здоровый мужчина, хлопнул меня по плечу и сказал: "Привет! А ты хорошо танцуешь! Есть деловое предложение: поехали сейчас со мной в Америку, тебя уже там ждут в одной очень хорошей труппе!" Я — человек любознательный: сам результат сколько процесс, и потому у него спросил, как он собирается свой план осуществить. Американец оказался гораздо более толковым,

чем я предполагал. Он довольно обстоятельно рассказал, что спокойно перевезет меня через границу в багажнике своего огромного кадиллака, где вообще при желании можно разместить примерно половину танцовщиков ансамбля. Он, значит, уже все продумал и рассчитал! И тут я ему говорю: "Знаешь, мужик, меня мама дома ждет. Если я не вернусь, она очень расстроится, поэтому мне сначала надо с ней посоветоваться!" К такой причине он отнесся с пониманием: для него мама, очевидно, тоже была важнее, чем все партии и правительства вместе взятые. У меня же ни разу даже мысли не возникало, чтобы там остаться: здесь у меня были родители, друзья, работа, которая мне нравилась, учеба в ГИТИСе, заманчивые перспективы, общение с интереснейшими людьми — зачем же уезжать? Для меня этот эпизод носил чисто анекдотический характер. Но об этой истории кто-то заранее проинформировал следователя, и она обретала сейчас совершенно иной, уже злобный оттенок...

Выслушав меня, следователь сказал: "А теперь возьмите карандаш и все запишите!" Вот здесь я по-настоящему испугался: дословно повторить на бумаге то, что я ему рассказывал в течение пяти-шести часов со всеми обтекаемо-осторожными фразами, несущественными подробностями и фантазиями, я не мог! К счастью, увидев мой чудовищный, никому не понятный почерк, он сам стал записывать показания под мою диктовку. Когда я прочел написанный им текст, в моем диалоге с американцем я увидел фразы, которые никогда не говорил — о патриотическом воспитании, преданности своей стране и народу, о верности комсомолу и т.д. Следователь явно хотел мне помочь, и я был ему благодарен: по крайней мере, мрачноватое здание на Лубянке я больше не посещал.

Но последствия исчезновения в Мексике Филиппова и Вострикова на этом не закончились. Комсомольское бюро "Молодого балета" вскоре вызвали в райком комсомола. За длинным столом сидел человек, похожий на экспонат из кунсткамеры: огромный нависший лоб неандертальца, глубоко посаженные глаза и тяжелая выдвинутая челюсть. Он не давал мне говорить, перебивал на каждой фразе и кричал. Их не интересовали мои доводы и объяснения, не важна была истина: им нужно было просто "сфабриковать дело". Через какое-то время нам всем велели выйти за дверь, а когда мы вернулись, нам объявили решение. За развал идеологической работы в коллективе и какие-то еще серьезные прегрешения меня исключали из комсомола, остальные члены бюро получали по строгому выговору и так далее. Сейчас, конечно, это все смешно звучит, но тогда, в 1970 году, подобный приговор казался кошмарным сном! Исключение из комсомола закрывало передо мной все двери, лишало перспективы, делало "невыездным", "портило анкету" — где бы я ее потом ни заполнял, шлейф этого "решения" тянулся бы за мной повсюду долгие годы...

Но после "оглашения приговора" члены комсомольского бюро — балерина Ай-Гуль Гайсина и наш костюмер Нина Матвеева — вдруг встали и заявили, что не согласны с подобным решением, что оно несправедливо и неправильно. Когда же их словесный запас иссяк, а чувства еще переполняли, они заревели в два голоса, но как! При всей трагичности своего положения, я не мог не удивиться тому, что можно, оказывается, реветь с таким воем! Услышав эти бурные безостановочные рыдания, бюро райкома впало в состояние легкого шока: сидящие за столом мужчины в строгих темных костюмах переглянулись и снова попросили всех выйти. Когда нас вызвали в кабинет, вынесенное решение звучало уже иначе: мое исключение из комсомола заменалось на строгий выговор с занесением в учетный карточку. Мне повезло: я остался и в комсомоле, и в ансамбле, хотя все равно стал "невыездным" почти на 15 лет.

Запись
Екатерины БЕЛОВОЙ.

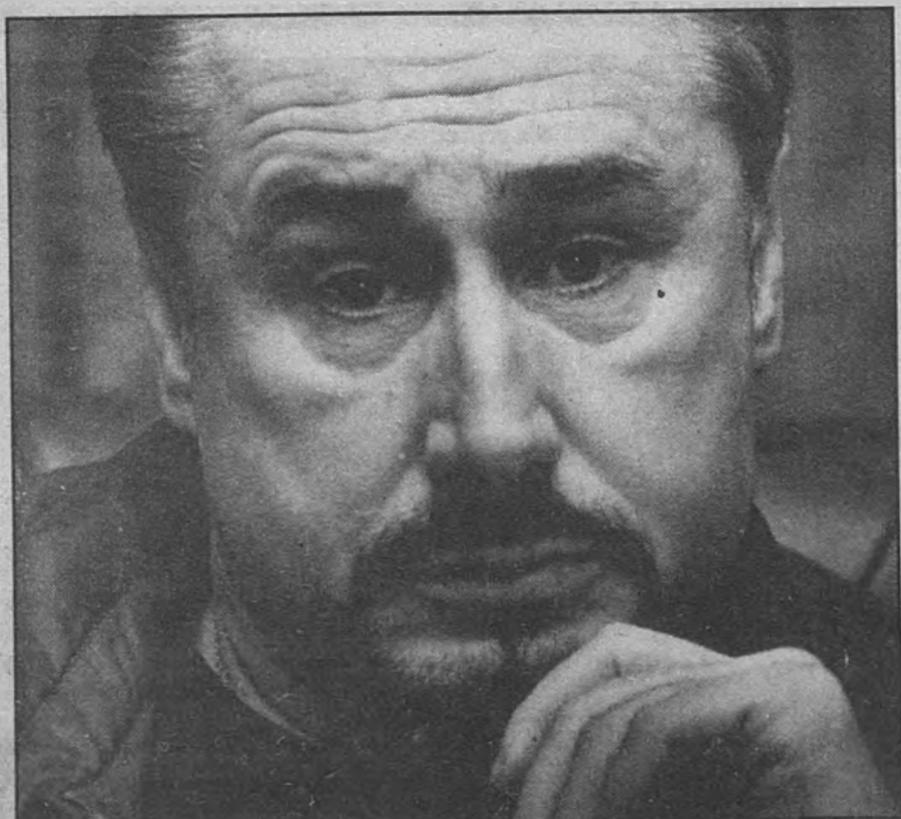

ФОТО ИГОРА ИВАНДИКОВА (Концерт "ВМ").